

ВНИМАЯ ВЕЛИКОМУ НАВОИ

Пиримкул Кадыров
«Звездные ночи». Роман.
Перевод с узбекского
Ю. Суровцева и автора.
Издательство «Советский
писатель». М. 1980.

В ИСТОРИИ национальной культуры разных народов выступают выдающиеся личности, которые поражают нас сказочной универсальностью и удивительным разнообразием своих дарований. Уроженец Андижана Захириддин Мухаммад Бабур (1483—1530), основатель династии Великих Моголов, просуществовавшей в Индии до английского завоевания, был личностью именно такого склада.

Бабур прославился тем, что был великим организатором государства, относительно централизованного и преодолевшего в основном анархию и бедствия междоусобиц. Когда Дж. Неру в своей известной книге «Открытие Индии» писал о том, что в XVI веке «в Индии произошли большие сдвиги, и новые стимулы вдохнули свежесть и жизнь в искусство, архитектуру...», он имел в виду именно правление Бабура, которого называл «типичным государем эпохи Возрождения». Бабур, однако, обладал и даром совершенно иного рода — он был величайшим мастером художественного слова. Творил он одновременно в разных жанрах: на староузбекском языке написал мемуарную историческую летопись «Бабурнаме», переведенную затем на фарси и другие языки, его перу принадлежат великолепные стихи, наполненные гуманистическим содержанием и прославляющие автора не меньше его прозаического произведения.

Кажется невероятным, даже неправдоподобным такое гармоничное сочетание столь различных, в чем-то даже и противоположных (царь и поэт!) дарований в одной личности. Но Бабур — совершенно реальное историческое лицо, его жизнь и деятельность достаточно основательно исследованы учеными, в частности советскими. Наиболее глубокое и исторически верное исследование о нем написано узбекским ученым С. Азимджановой: «Государство Бабура в Кабуле и в Индии» (М., 1977).

Ныне читатель получил новую книгу о Бауре — на сей раз исторический роман известного узбекского писателя Пиримкула Кадырова «Звездные ночи».

Нарушая, возможно, сложившуюся традицию давать общую оценку в заключение рецензии, скажем сразу, что роман этот — большая творческая удача автора и бесспорное достижение многонациональной советской литературы. Прежде всего хочется отметить верность исторической правде. Это относится не только к точности деталей и реалий, что свидетельствует об основательном знании писателем эпохи Бабура. Не в меньшей мере верность исторической правде проявляется в общем содержании романа, в полном отсутствии идеализации персонажей, в диалектическом классовом подходе к изображению событий далекой эпохи. При этом писатель свою позицию выражает не авторскими вставками, не историческими экскурсами, а через художественные образы.

Роман написан чрезвычайно увлекательно, сюжетные линии разворачиваются упруго, словно тугая раскручивающаяся пружина, держа читателя в постоянном напряжении. Уже с первых страниц он включается в обстановку того времени в Средней Азии. Писатель рисует народную среду (так называемые «низы»), изображая своих персонажей столь пластично, в повседневных заботах и трудах, что мы как бы сами окунаемся в ту тревожную и нелегкую жизнь, полную непрекращающихся феодальных междоусобиц, губительных для простого люда. Реалистически точно показаны и «верхи» — коварные, властолюбивые и жестокие беки. Таким образом живо воссоздано столкновение двух сил — созидательной, народной и разрушительной, деспотической.

Большое достоинство романа состоит в том, что, хотя главным его персонажем является Бабур, в центре внимания писателя все время остается коллективный герой — сам народ. Он страдает от бесконечных войн, разжигаемых ханами и беками, и борется за лучшую долю. Уже в начале романа, когда кровавые беки столкнутся с зодчим Фазлиддином, прозвучит фраза: «...Государству...

нужны боевые беки, а не зодчие!» И эта формула почти символически выразит суть захватнической политики феодальных «верхов» и основу классового конфликта эпохи.

Последовательно реалистический характер повествования не разрушается оттого, что многие образы романа окрашены в романтические цвета. Можно сказать, в традициях «восточного романтизма» изображены положительные герои из народа — зодчий Фазлиддин, воин Тахир, история скрытной, безответной любви зодчего к царевне Ханзодегим.

Бабур изображен в романе столь же исторически правдиво, сколь и романтически приподнято (однако без какой бы то ни было идеализации), начиная с отроческих лет и кончая годами расцвета его государственной и творческой деятельности. Благодаря такому подходу автора к личности Бабура становится ясно, к чему восходят корни прогрессивных сторон его правления. Они восходят к поэзии. Преклонение перед великим Навои — вот что определило характер Бабура. Оно сказалось и в его поэтическом творчестве, и в государственной деятельности. Как известно, Навои воспедал и запечатлел в своей поэзии исконную народную мечту о «справедливом царе». Эта идея вдохновляла Бабура и вела его всю жизнь — разумеется, в его особом классовом понимании: прежде всего он стремился к централизации и государственной упорядоченности феодальной монархии.

В романе П. Кадырова не говорится о Тимуре, но весь художественный подтекст произведения вызывает в восприятии читателя решительное противопоставление образа Бабура как организатора государства, вдохновленного идеей «справедливого царствования», кровавому завоевателю-разрушителю Тимур.

Особо нужно сказать о переводе романа, осуществленном Ю. Суровцевым и самим автором. Русский текст романа мне кажется настолько богатым и естественным, что «переводности» как бы и не ощущается. Вместе с тем стилистические достоинства перевода доносят до читателя и восточный колорит подлинника. Это достигается не столько тактичным внесением узбекской лексики, терминов, сколько некоей ажурностью стиля, воспроизводящего романтическую окрашенность текста. Сказалась, очевидно, слаженная работа автора и переводчика. Она помогла и писателю, и переводчику довести до читателя в органически русском звучании восточные музыкальные обертоны оригинала.

И. БРАГИНСКИЙ